а действительностью. Но, оформляя их «под Мармонтеля», Радищев превращал их в «сигналы-пароли», рождающие определенные политические ассоциации, направляющие мысль читателей по нужному автору пути.

Принимаясь за реформы, Екатерина, хотя бы внешне, была согласна с Велизарием, что «земля долженствует питать тех, коими уработывается <...>Естли от плодов трудной и непрестанной их работы не оставляют им более, как токмо самое бедное пропитание, то будут они не сочлены уже государства, но рабы и невольники»,[35] а между тем, указывает Радищев, «земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них непознаем сограждан нам равных, забыли в них человека» (I, 313). «... те, кои его (хлеб, — *Д. Ш.*) производят, щитаются на равне с волом, определенным тяжкую вздирати борозду» (I, 326). Екатерина вместе с Велизарием собиралась опровергнуть «сии вельможных людей правила», состоящие в том, «что будто человеческий род для малого токмо числа людей и живет и что для них токмо сотворена вселенная»;[36] но ничего не опровергла; и вот пришел черед Радищева, вещающего от имени народа: «Мы постараемся опровергнуть теперь, сии зверския властителей правила, яко же их опровергали некогда, предшественники наши, деяниями своими неуспешно» (I, 315).

Мармонтель риторически вопрошал благосклонно внимавшую ему государыню: «Каким же теперь образом хочешь ты, чтоб толикою лютостию мучимый народ любил подавляющее его иго? Могут ли они думать, что связываются еще какою-либо пользою или должностию с толь жестокосердыми утеснителями?».[37] Екатерина не пожелала ответить на эти вопросы, и Радищев ставит их вновь, но уже не перед самодержицей, а перед всем человечеством: «Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания, и частию в законе мертвы, назваться блаженными? Можноли назвать блаженным, гражданское положение крестьянина в России? Ненасытец кровей один скажет, что он блажен» (I, 315). Мармонтель предупреждал Екатерину, что «такое состояние сделается» крестьянам «ненавистно и несносно <...> Самое первое бедностию и отчаянием исторгаемое роптание становится началом бунта и нарушения верности».[38] Россия в царствование Екатерины пережила пугачевщину; Радищев предсказывал новый крестьянский мятеж.

Особенно много «сигналов-паролей», возможно, ориентированных на Мармонтеля, в «Сне» (гл. «Спасская Полесть») — злейшей политической сатире на самодержавное правление Екатерины. Высказано предположение,[39] что литературным источником

---

[35] Велизер..., с. 161.
[36] Там же, с. 158.
[37] Там же, с. 146—147.
[38] Там же.
[39] *Коплан Б.* Философические письма «Почты духов» (1789). — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 385—392.